

УДК 94 (470): 911.373

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-455-471

EDN SSIWYO

Оригинальное исследование

Частушки как аксиологический источник по истории Великой Отечественной войны

Шаповалов В.А. , Шаповалова С.П.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

E-mail: Shapovalov@bsuedu.ru, Shapovalova_S@bsuedu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются частушки в качестве аксиологического источника в период лихолетья 1941–1945 гг. Показаны причины того, что частушка стала самым любимым жанром музыкально-поэтического фольклора в военные годы: острота и оперативность поднимаемых проблем, «нарушение правил по правилам», эмоциональный накал при малой форме. В период войны параллельно бытовали литературные и народные частушки. Литературные частушки в своей основе являлись отражением политики советского правительства по поддержке патриотизма в обществе посредством инструментов культуры. Противоречия в сознании демонстрировали фронтовые частушки, носившие названия потаенных или заветных. В них, в отличие от патриотических частушек тыла, показывалась вся неприглядная изнанка войны: промахи командования, противопоставление штабников и бойцов в окопах, измены жен в тылу, походно-полевые жены командиров и т. д. Но в них не было призывов к свержению существующего режима. Все это вместе делает частушки ценным аксиологическим источником по проблемам Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: фольклор, частушка, культура, Великая Отечественная война, аксиология

Для цитирования: Шаповалов В.А., Шаповалова С.П. 2025. Частушки как аксиологический источник по истории Великой Отечественной войны. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 455–471. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-455-471. EDN: SSIWYO

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Ditties as an Axiological Source on the History of the Great Patriotic War

Vladimir A. Shapovalov , Svetlana P. Shapovalova

Belgorod State National Research University,

85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: Shapovalov@bsuedu.ru, Shapovalova_S@bsuedu.ru

Abstract. The article examines ditties as an axiological source of the hard times of 1941–1945. The study reveals the reasons for ditty, also known as “chastushka”, becoming the most beloved genre of musical and poetic folklore during the war years. These include the acuteness and promptness of the problems raised, “breaking the rules according to the rules”, and a combination of emotional intensity with a small literary form. During the war, literary and folk ditties existed in parallel. Literary ditties, at their core, reflected the Soviet government's policy of supporting patriotism in society through cultural instruments. Contradictions in consciousness were demonstrated by front-line ditties called secret or cherished ones. Unlike the patriotic ditties of the rear, they showed the unsightly underside of the war: command blunders, opposition of staff officers and fighters in the trenches, betrayal of wives in the rear, field wives of commanders, etc. At the same time, they did not call for the overthrow of the existing regime. All this together makes ditties a valuable axiological source on the problems of the Great Patriotic War.

Keywords: folklore, ditty, culture, the Great Patriotic War, axiology

For citation: Shapovalov V.A., Shapovalova S.P. 2025. Ditties as an Axiological Source on the History of the Great Patriotic War. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 455–471 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-455-471. EDN: SSIWYO

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Учитывая, что в массовом сознании частушка – это малый жанр русского музыкально-поэтического фольклора, для которого характерны шутливое четверостишие, трехстишие или двустишие, на первый взгляд, трудно ее соотнести с лирическим осмыслением трагических событий Великой Отечественной войны. Но частушка в годы военного лихолетья была самым распространенным и любимым жанром песенного фольклора. Она звучала повсюду – на фронте и в тылу, в партизанских отрядах и во временно оккупированных врагом районах [Тищенко, 1957, с. 8; Власова, 1964, с. 193]. И на это были причины. Частушка, зародившаяся в крестьянской молодежной среде второй половины XIX в., характеризовалась отражением всего нового в реальной жизни и в сознании людей [Селиванов, 1990, с. 5], являя собой, по сути, ментально озвученное песенное фото конкретных событий. Главное же, частушка представляла речевой жанр, посредством которого можно было публично высказать то, что не подлежало оглашению иным образом [Олсен и др., 2021, с. 258]. Это делало ее особенно привлекательной. В то же время необходимо учитывать, что основная часть частушек по содержанию имеет грустный, элегический характер (не всегда по исполнению) [Селиванов, 1990, с. 14]. Все эти характерные жанровые черты нашли свое отражение и в событиях XX в., включая Великую Отечественную войну, показывая противоречия в сознании людей через частушки официального характера и «заветные», которые исполнялись в очень узком кругу и в тайне от начальства, раскрывая неприглядную подноготную военных будней. Аксиологический дискурс бытования частушки в годы Великой Отечественной войны не являлся еще объектом исследования, и это обуславливает актуальность настоящей работы.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает бытование русской частушки в годы Великой Отечественной войны. Методология исследования представлена комплексным подходом, поскольку исследование в своей основе синергетическое, объединяет методологии фольклористики, истории, социальной психологии. Также необходимо выделить метод контент-анализа (анализ содержания письменных источников) и сравнительно-исторический метод.

Результаты и их обсуждение

Частушка стала объектом пристального изучения фольклористов-профессионалов (В.Ю. Крупянской, С.И. Минц, Э.В. Померанцевой (Гофман), Н.П. Колпаковой и многих других собирателей народного творчества) уже в начальный период войны. В первую очередь записи фронтового фольклора велись в госпиталях, так как выздоравливающие после операций или лечения бойцы имели достаточно свободного времени [Пушкарев, 1995, с. 29]. Буквально в первые дни войны бытование фронтового фольклора интересовало не только маститых профессионалов, но и вчерашних выпускников филологических факультетов. В частности, выпускник 1941 г., в будущем известный ученый-фольклорист Лев Никитич Пушкарев (1918–2019) первые свои записи фронтового фольклора сделал уже в октябре, когда надел форму 3-го Коммунистического батальона Бауманского района столицы [Там же, с. 9]. В своих воспоминаниях упоминания о первых записях фронтовых частушек он датирует ноябрем-декабром 1941 г. [Там же, с. 13]. Понимание ценности фольклорных текстов для возможного

изучения аксиологических установок, бесспорно, присутствовало. Собиратели фронтового фольклора, в частности частушек, вели записи исходя из того, что устный текст, реально существующий лишь в процессе своего изложения, за его пределами не хранится целиком в памяти исполнителя, а каждый раз более или менее точно воссоздается по своей сюжетно-жанровой и тематической модели с помощью различных стилистических клише, которые принадлежат всему жанровому фонду, а не только данному произведению [Мелетинский и др., 2021, с. 11]. Поэтому было очень важно записать частушку в момент исполнения, когда ее реальное бытование приходилось на конкретное событие, отражая определенные умозаключения и настроения. Частушки начала войны и ее завершения кардинально отличаются по своему настрою, демонстрируя изменения аксиологических установок в сторону позитива.

В послевоенный период вопросом бытования частушки в годы Великой Отечественной войны занимались, в частности, В.А. Тонков, А. Тищенко [Тонков, 1951; Тищенко, 1957]. В их работах указывалось, что частушка была наиболее распространенной формой устно-поэтического жанра на фронте, ее задачей было поддерживать патриотизм на передовой и в тылу, среди партизан, доносить советским гражданам в краткой рифмованной форме основные призывы партии и правительства. Это резюмировалось частушками о частушках [Там же]. В рассматриваемый период академичностью отличается исследование З.И. Власовой. Автор разделила в своей работе частушки, бытовавшие в военные годы, на литературные, народные фронтовые и тыла, партизанские, выделяя в особую группу частушки, бытовавшие на временно оккупированных территориях и концентрационных лагерях [Власова, 1964, с. 149–193]. З.И. Власова подчеркивала особую связь текстов частушек с советской идеологией. Такой же обстоятельностью отличается работа Ф.М. Селиванова, вышедшая накануне развала СССР [Селиванов, 1990, с. 5–28].

В 1990-х гг. появилась возможность введения в научный оборот текстов «заветных» частушек, где содержалась критика советских порядков, но, как правило, не было открытого призыва к свержению существовавшего режима. Среди частушек были и фронтовые [Кулагина, 1999, т. 2]. А.В. Кулагина на примере собирателя политических и эротических частушек А.Д. Волкова показывает бытование «заветных частушек», специфику их письменной фиксации в военные годы [Там же, т. 2, с. 5–14].

В рамках современного дискурса рассматриваемой проблематики необходимо выделить работы американской исследовательницы Лоры Олсон Остерман, С.Б. Адоньевой, С.П. Шаповаловой, И.В. Истоминой [Адоньева, 2006; Олсон и др., 2016; Шаповалова и др., 2024, с. 192–203]. В указанных исследованиях особо подчеркивается уникальная жанровая специфика частушки – возможность при ее исполнении высказать открыто то, что в иных условиях невозможно. Отсюда частушка приобретала социальный подтекст. Особый интерес среди профессионалов-фольклористов приобретают региональные сборники частушек, подчеркивающие местные фольклорные и региональные нюансы [Праведников, 2024].

Подводя итог весьма краткому историографическому обзору бытования частушки в годы Великой Отечественной войны, особо стоит остановиться на работе Л.Н. Пушкарева «По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика» [Пушкарев, 1995]. Хотя в названии и присутствует слово «воспоминания», данный труд соединяет в себе литературный жанр воспоминаний и монографический дискурс. Автор подробно разбирает специфику фронтового фольклора, его разновидности, различия в бытовании и указания, на что следует обратить внимание будущим исследователям фронтового фольклора. Все это подробно резюмируется личными фронтовыми воспоминаниями.

Перед непосредственным анализом бытования частушки в годы Великой Отечественной войны необходимо кратко проиллюстрировать зарождение этой краткой песенки и причины ее большой привлекательности. Частушка как фольклорный музыкально-поэтический жанр появился в пореформенный период. Термин «частушка» – первоначально одно из названий коротких, «частых» (в отличие от «протяжных», «долгих») песен. В литературу данный термин был введен Глебом Успенским в очерке «Новые народные стишки» (1889), где он впервые дал краткий анализ нового явления в народных песнях. Со временем слово «частушка» приобрело

значение общего термина для коротких народных песен. На первых этапах бытования этих песен в различных регионах они имели разные названия: просто песни, короткие песни, коротушки, припевки, прибаски, причудни, собираушки, прибрешки и т. д. [Селиванов, 1990, с. 7–8].

Привлекательность частушки с момента ее зарождения в первую очередь была связана с возможностью «излить душу» в короткой песенке, затрагивая те темы, которые нельзя было поднять в других условиях. По сути, частушка отчасти стала наследницей традиций скоморошских выступлений, для которых социальные шутки являлись «нарушением правил по правилам» [Артемова, 2015, с. 104].

Начало войны советский народ воспринял как акт вероломной агрессии, страшное несчастье и бедствие, разрушившее привычный образ жизни и мирное счастье миллионов людей, сделав будущее весьма тревожной и неопределенной перспективой. Это сразу же нашло отражение в частушках, в первую очередь сочиненных в девичьей среде [Кулагина, 1999, с. 8]. Особую тревогу в них вызывала неопределенность их будущих взаимоотношений с возлюбленным, уходящим на фронт. Подавляющая часть опубликованных частушек о войне – это женские частушки, показывающие войну с точки зрения девушки, проводившей многого защищать отчизну. Данные частушки полны тревоги, тоски и печали:

Двадцать первого июня
Стал германец воевать.
Мне молоденькой девчонке,
Невесело гулять.

Я не думала с миленочком
Разлуку получить,
Но проклятая Германия
Сумела разлучить [Селиванов, 1990, с. 164].

Текст частушек показывает, как за короткий период времени с начала войны поменялось мировосприятие девушек с позитива если не на негатив, то на неизвестность завтрашнего дня. При этом они готовы встать рядом с милым в одном ряду:

Милый мой фашистов бьет,
И мне тоже хочется.
Дайте, дайте пулемет –
Буду пулеметчица [Там же, с. 168].

Добровольцы первых месяцев войны на призывных пунктах при отправке на фронт пели следующие частушки:

Дайте новую винтовочку,
Патронов сорок пять.
Я любимую отчизну
Поеду защищать!

Нет на свете большей чести,
Как в бою фашистов бить,
Воевать с народом вместе,
Милой Родине служить! [Пушкарев, 1995, с. 15].

В частушках Великой Отечественной войны рельефнее, чем в предыдущие периоды, проявилось единство личного и общего. Исходя из особенностей частушек как лирического

жанра общее историческое стало личным делом их героев. Пусть покажется наивным, когда девушка просит дать винтовку или пулемет, встать в один строй с любимым, но это личное, искреннее и выстраданное [Там же, с.11]. То есть при исполнении частушки проявляется выравнивание возможной диспропорции между «Я – для себя» и «Я – для других». За счет самопрезентации исполнителя в частушечном тексте происходит интеграция «Я» внутреннего в поле внешних «Я» [Адоньева, 2004, с. 171].

Патриотический настрой, отраженный в частушках, после начала войны подтверждают свидетельства очевидцев. В частности, Л.Н. Пушкарев вспоминает: «...мы, комсомольцы и коммунисты, добровольно пошедшие на фронт, свято верили в то, что скорее умрем, но не отступим с занятого нами рубежа. Настроение у всех было боевое, паники не было и следа – и не только у нас, но и у тех работниц, которые оставались в Москве и работали на оборону. Осознание, что мы – их последние защитники, поддерживало наш дух и вселяло надежду» [Пушкарев, 1995, с. 13]. Противоборствующая сторона подтверждала решимость советских бойцов, для которых, как пелось в частушке, «Нет на свете больше чести / как в бою фашистов бить!» Так, немецкий генерал Готхард Карл Федор Хейнрици (1886–1971) в своем письме к жене от 20 июля 1941 г., написанном в окрестностях Бобруйска, отмечал: «Русский очень силен и дерется отчаянно, наущаемый своими комиссарами. Сражения в лесополосе особенно тяжелы. Внезапно, откуда ни возьмись, появляется русский и открывает огонь, атакуют колонны, отдельных бойцов или машины со связными... Все предыдущие компании были, скорее, детской игрой по сравнению с нынешними боями. Наши потери значительны, а у русских очень, очень велики» [Хейнрици, 2018, с. 70]. Примечательна цитата из письма к жене и от 1 августа 1941 г.: «Пока что совершенно не ясно, чем здесь закончится дело. Нет ощущения, что русский однажды захочет сдаться, как это сделал француз» [Там же, с. 71].

Советское правительство с первых дней войны четко осознавало роль культуры, в частности музыкальной, для подъема патриотических настроений у граждан, сплочения общества. Данному направлению уделялось серьезное внимание, что нашло отражение в литературных частушках. Эти частушки сочинялись известными советскими поэтами (А. Прокофьевым, С. Кирсановым, В. Лебедевым-Кумачом, М. Червинским и др.) и поэтами-частушечниками, вышедшими из народной среды, такими как А. Анисимова, Л. Кулешова [Власова, 1964, с. 157]. Литературная частушка очень широко публиковалась в печати, а в последствии вошла в различные фольклористические сборники. Данные частушки сильно отличались от народных своей поэтической завершенностью и утонченностью. Специалисты отмечают, что если снять указание автора под заголовком и встречающееся в тексте слово «частушки», то эта частушка ничем не отличалась от обычных стихов [Там же]. Литературная и народная частушки взаимозаимствованием различных поэтических приемов обогащали друг друга. В качестве примера можно привести следующие литературные частушки:

Эй, сильней гвоздите, пушки!
Гром, лети во все концы!
Эх, петь без музыки частушки
Не привыкли мы, бойцы (С. Кирсанов) [Там же].

Мы народ совсем не грубый!
Чистота у нас закон.
Эх, мы фашистам чистим зубы
День и ночь со всех сторон (В. Лебедев-Кумач) [Там же].

Хвалебные частушки об И.В. Сталине, как правило, сочинялись в литературной среде:

Бьем мы с воздуха фашистов,
Бьем на суше и морях.

Мы со Сталиным любимым
Победим во всех боях [Тонков, 1951, с. 23].

Скоро, скоро час настанет,
Скоро праздничек придет,
Наш любимый маршал Сталин
Нас к победе приведет [Там же].

Особенностью частушек начала войны было проникновение в их тексты лозунгов и призывов, которые встречались в приказах Верховного Главнокомандования и в выступлениях И.В. Сталина. Л.Н. Пушкарев вспоминает: «Так, зимой 1941 г. мною были записаны такие частушки, включавшие в себе заключительные призывы из выступления В.М. Молотова 22 июня 1941 г. и неоднократно повторявшиеся в докладах и приказах И.В. Сталина о том, что «наше дело правое».

Лезут к нам в страну бандиты
Бешено оравую.
Будут все они разбиты –
Наше дело правое!

Прочь, фашистская рука,
Грязная, кровавая!
Мы за Родину идем,
Наше дело правое! [Пушкарев, 1995, с. 14].

Социальные психологи центральным фактором убеждения считают экспрессию уверенности. Выражение уверенности в речи является ключевым фактором, от которого зависит убеждение тех, к кому обращаются, что и демонстрируют лозунги и призывы в вышеуказанных частушках. Однако слишком многословное выражение уверенности может привести к обратному результату и вызвать у слушающих сопротивление [Ильин, 2017, с. 109]. Короткие песенки с яркими лозунгами и призывами как нельзя лучше подходили на роль музыкально-поэтического инструмента, придающего уверенность через воздействие на эмоции.

В частушках Гитлера и фашистов нередко лишали человеческого облика и называли каким-либо животным, которое должно было вызывать не только саркастический смех, но и омерзение. Назвать человека каким-либо животным – самая распространенная форма ругательства. Но это должно было быть животное, которому приписывались отрицательные качества [Пропп, 1976, с. 49]. Как, например, жаба:

Жаба Гитлера рожала –
Вся Германия дрожала:
Ждите горя, ждите бед –
Появился людоед [Селиванов, 1990, с. 185].

Жаба и лягушка в славянской народной традиции – нечистые животные, родственные змеям и другим гадам. Как и змей, лягушек и особенно жаб считают ядовитыми. Чаще всего в жабах и лягушках видят обращенных ведьм [Гура, 1997, с. 380, 385]. Создан весьма нелицеприятный образ.

В частушках ход войны непосредственно связывали с личностью Гитлера, и во многих из них слышались призывы к расправе с ним. Например:

Найди, туча, найди, гром,
И разбей фашистский дом,
Убей в доме за стеной
Злого Гитлера с женой [Селиванов, 1990, с. 168].

Сказали: Гитлер с одним глазом,
Милый, выколи второй!
Позавидуют подружки,
Скажут: «Милый твой герой!» [Там же, с. 186].

Неменьшее презрение, если не большее, выражается в частушках в адрес полицейских. Оскорбительная терминология, по сути, является тропом для образа предателей, усиливая негативную образность:

Полицай, полицай,
Какой ты полудурок!
А ты Родину продал
За один окурок! [Там же, с. 169].

Полицай, полицай,
Лютая уродина,
Тебя люди ненавидят,
Презирает Родина [Там же].

Полицаям предрекают в частушках неминуемую кару:

Полицаи, полицаи,
За что вы воюете?
Все равно вы партизанской
Пули не минуете [Там же].

Весьма трагичны по эмоциональному накалу частушки об оккупации, плене, концентрационных лагерях. В них, несмотря на четверостишие, показана страшная детализация немецкого плена, ожидания угнанных в неволю или находящихся в концентрационных лагерях:

Не боюсь я мороза,
Не боюсь холоду,
А боюсь, что в Германии
Помру от голоду [Там же, с. 170].

Надоела пайка хлеба
И солома мятая,
Еще больше надоела
Немчура проклятая [Там же, с. 171].

Фашисты в лагерь нас загнали
Близ самого озерушка.
Кто не пожил в лагерях,
Тат не знает горюшка [Рождественская, 1956, с. 395].

Весьма примечательна полная отчаяния элегия о невозможности вернуться домой из Германии, пусть если даже придётся идти по шпалам:

Неужели я пропала,
Неужели пропаду,
Неужели я по шпалам
Из Берлина не приду? [Там же].

Частушка содержательно указывает поведенческую программу (код), как поступать или не поступать в определенных ситуациях. На оккупированных территориях частушка подсказывала, что делать:

Никогда нас не загнать
В армию в германскую
Я найду себе приют –
Землянку партизанскую [Селиванов, 1990, с. 172].

Противоречия в народном сознании периода войны отражены в так называемых «заветных» или «потаенных» частушках, в основном сочиненных на фронте. Их авторами были мужчины-фронтовики. В отличие от опубликованных частушек, мужские окопные частушки раскрывают не героическую или трагическую сторону войны, а показывают низменную, изнаночную ее сторону, сатирически обличают внутренние отношения в стране и в разных слоях общества. В заветных частушках основными темами выступали не совсем хорошая подготовка советских войск к войне; одни в тылу, другие – на фронте; измены жены в тылу; штабники и окопники; женщины на войне; ППЖ и т. д. [Кулагина, 1999, т. 2, с. 8–9].

Записывались и пересказывались друг другу потаенные частушки в основном в госпиталях. Собирателем политических и эротических частушек А.Д. Волков (сам лежал в госпиталях семь раз) в этой связи вспоминает: «Понятно, ... в боевой обстановке даже об анекдотах не было и речи, но как только выдавалось свободное время: в госпиталях, запасных полках, в учебных частях, – то солдаты в частушках хоть и не пели, а тихонько, без свидетелей, пересказывали друг другу о своем наболевшем, недовольство свое выражали таким образом» [Там же, с. 5]. За исполнение и коллекционирование потаенных частушек, содержащих критику в адрес существовавших порядков и властей, можно было получить реальную статью. Но накипевшая душевная боль, переживания за себя, родных и страну в узком дружеском кругу способствовали бытованию заветных частушек.

Первые очевидные неудачи советских войск летом-осенью 1941 г. стали предметом бытования следующих потаенных частушек, в которых в саркастической форме предпринимались попытки осмысления причин этих неудач:

Знаем мы, что за кордоном
Враг к войне готовится.
Против танков, самолетов
У нас штык да конница [Кулагина, 1999, т. 2, с. 65].

В запасном полку нас учат
В строю петь, маршировать,
А когда нас в бой послали –
Не умеем воевать [Там же, с. 70].

Что коварные фашисты –
Сразу все мы поняли,
А вот «славные» чекисты
Это проворонили [Там же, с. 65].

Об указанных и иных причинах неудач в начальный период войны на фронте и в тылу шли дискуссии, но в очень узких кругах, состоящих из доверенных лиц, так что вышеуказанные частушки стали музыкально-поэтическим проявлением данных дискуссий и в целом нелицеприятных вопросов в обществе. Эти вопросы и суждения отражены в личных дневниках фронтовиков, хотя их ведение было категорически запрещено. Но, несмотря на запреты, их вели. Например, выписка из дневника старшего лейтенанта А.Н. Дзяковича от 2.10.1941: «Вчера в 6:00 немцы открыли ураганный огонь артиллерии, минометов, автоматов. Непрерывно громила немецкая авиация... Вся связь уничтожена. Мы разбиты вдребезги. От дивизии на шоссе Москва – Смоленск вырвалось едва 300 человек. Патрон достали на 3 суток, без пищи, без сна» [Дзякович, 2010, с. 16]. В этих строках видна растерянность, недоумение автора и за словами «Мы разбиты вдребезги» – отголоски присутствовавшей паники. Все эти строки объединяет один вопрос: «Почему?».

Отражена в заветных частушках и жесткая система сталинского контроля над обществом, его сознанием:

Мы с тобой, великий Сталин,
Победим во всех боях.
Не на немцев и японцев –
На своих наводим страх [Кулагина, 1999, т. 2, с. 66].

Век не будет наша Родина
Фашистскою рабой –
Рабство нам свое дороже,
За него идем мы в бой! [Там же, с. 67]

Среди советских военнослужащих в начальные периоды войны было предчувствие, что победа над фашистской Германией достанется страшной ценой и не всегда оправданно жестокими мерами:

Сколь фашисту ни гордиться,
На колени упадет!
Но до этого, наверно,
Пол-России перебыет [Там же].

Ситуация на фронте –
Ни вперед и ни назад:
Впереди тебя – фашисты,
Позади – заградотряд [Там же, с. 74].

В отдельных потаенных частушках фронтовиков отчетливо прослеживается если не ненависть, то глубокая обида на советскую власть за перегибы при построении социализма, которые трагически сказывались на их родных:

Раскулачен дед, а бати
И костей-то не сыскать...
А я гадов, изуверов
От фашистов шел спасать [Там же, с. 73].

В отношении автора(ов) данной частушки, исходя из понятийного аппарата социальной психологии, была нарушена так называемая дистрибутивная справедливость, когда за весь трудовой путь его семьи или отдельных ее членов не было должного вознаграждения, а

последовали репрессии. Здесь необходимо учитывать, что справедливость – одно из базовых понятий человеческой культуры [Гулевич, 2011, с. 9, 13].

Негативная эмоциональная экспрессия рассматриваемой частушки вкупе с другими потаенными частушками на первый взгляд может указывать на двойственный характер спецпоселенцев из кулаков, да и колхозного крестьянства в целом в годы Великой Отечественной войны. Один из основных отечественных специалистов по проблеме «Сталин и народ» В.Н. Земсков в этой связи отмечает: «Весь массив исторических источников, которыми мы располагаем, непосредственно свидетельствует о том, что советские крестьяне в массе своей не рассматривали колхозную землю как якобы чужую и отнюдь не собирались отдавать ее без боя чужеземным завоевателям.

Крестьян глубоко возмущало стремление чужеземных завоевателей захватить их землю, политику потом, хлеб, скот...» [Земсков, 2014, с. 123].

Для зарубежных историков, да и либеральных российских специалистов феномен массового патриотизма в годы войны колхозного крестьянства стал камнем преткновения. Им непонятно, как могли колхозники и репрессированные кулаки в годы военного лихолетья поддерживать своих угнетателей – большевиков. Особенно это касается спецпереселенцев – бывших кулаков, проживавших в спецпоселках. В качестве их позиции в годы войны приведем пример спецпереселенцев Ставропольского края. По данным на 1 октября 1941 г., здесь на учете состояло 43 360 чел. Во второй половине 1942 г. «кулацкая ссылка» Ставропольщины оказалась в зоне немецкой оккупации. В январе 1943 г. оттуда вместе с отступающими немцами бежало 412 спецпереселенцев, которых считают коллаборационистами. Остальные спецпереселенцы остались верны Родине. В письме секретаря Ставропольского крайкома ВКП(б) А. Орлова от 11 июня 1946 г., адресованном лично И.В. Сталину, указывалось: «В период Великой Отечественной войны из спецпереселенцев было призвано 7 636 человек, причем многие из них отличились в боях за советскую родину. Из спецпереселенцев 3 чел. удостоены звания Героев Советского Союза, 303 человека награждены орденами и 471 чел. медалями и 564 чел. возвратились в спецпоселки инвалидами Отечественной войны. В период временной оккупации края спецпереселенцы в своем абсолютном большинстве были настроены за Советскую власть, против гитлеровских захватчиков. Имели место факты, когда спецпереселенцы прятали у себя коммунистов и евреев» [Там же, с. 125].

Отсюда, несмотря на наличие обид и серьезных претензий к представителям советской власти, в потаенных частушках нет призывов к свержению существовавшего политического режима.

Мужчины-фронтовики, отчасти и женщины в заветных частушках часто поднимали тему весьма щекотливую и нелюбимую для них – измену жен в тылу и развлечение командиров и штабистов «бабами». Бытование подобных частушек на фронте указывало на распространенность данных социальных явлений, которые не поднимали патриотический настрой у бойцов. В качестве примера частушек об измене жен фронтовиков можно привести следующие частушки:

Ну и что, если гуляю?!
В том прок, а не порок:
С фронта письма получаю,
От майора – сахарок! [Кулагина, 1999, т. 2, с. 68].

Треплют: «Бога не боюсь –
С парторгом изменяю».
Муж вернется – отряхнусь,
Мол, ничего не знаю [Там же].

В качестве любовников традиционно выступают офицеры-тыловики, снабженцы и местные руководители, имеющие возможность скрасить быт своим «дамам сердца». Противопоставление бойцов и штабистов видно из нижеприведенной частушки:

Занимаются в штабах
С бабами любовью,
А бойцы за их забавы
Расплатились кровью [Там же, с. 78].

Война с ее жизненной непредсказуемостью, тяжестью быта, вынужденной разлукой мужей и жен, женихов и невест изменила саму парадигму взаимоотношений мужчин и женщин. Как отмечает О. Будницкий, специально занимавшийся данной проблематикой, эти взаимоотношения не могли не измениться в условиях, когда 34 млн мужчин были призваны в армию накануне и во время войны, и это привело к тому, что женщины остались без мужчин, а мужчины – без женщин. Причем соотношение женщин и мужчин на фронте и в тылу было прямо противоположным; в тылу был дефицит мужчин, на фронте – женщин.

Заметным явлением в годы войны стал «институт» походно-полевых жен (ППЖ), которых еще называли «трофейными женами» [Будницкий, 2011, р. 412].

Отношение мужчин и женщин упростились, по выражению медсестры Эстер Маньковой (Файн), «до минимума». Бойцы подходили к «этому вопросу», по словам Файн, еще проще, чем офицеры, без обиняков задавая вопрос встретившейся девушке: «Даешь или не даешь?» В случае отказа миролюбиво посылали «к такой-то матери» и шли спать. Доступ к женскому телу стал «валютой» в период войны. Сержант Николай Иноземцев записал 18 февраля 1944 г. примечательный диалог: девушка-регулировщица, у которой украли (девушка употребила совершенно непечатный синоним) шинель, пообещала сослуживцам: «Кто найдет – получит пол-литра и 8 раз» [Там же, с. 413].

Такая минимизация отношений мужчин и женщин в военных условиях привела к тому, что отдельные представители командного состава считали подобное чем-то само собой разумеющимся, их неотъемлемой привилегией. В данном контексте примечательно письмо анонимного автора И.В. Сталину от 6 мая 1943 г., где он жаловался вождю народов на представителей контрразведки, которые ни во что не ставят командиров частей и соединений Западного фронта, подрывают их авторитет и т. п. И один из доводов против контрразведчиков заключался в следующем: «От командиров отняли женщин. А каждый контрразведчик имеет одну или две» [Лившин, 2003, с. 110]. Это было искреннее возмущение. То есть командиров «незаконно» лишили женской ласки, и это возмутительно. Анонимный автор явно был из командного состава.

С другой стороны, дефицит женщин на фронте давал девушкам, особенно из «низов», шанс устроить свою личную жизнь, и в отдельных случаях это получалось даже с представителями высшего командного состава [Будницкий, 2011, р. 412]. Подобную «охоту» за выгодными женихами отражает частушка:

Для любви война – раздолье,
Золотое времечко:
Лейтенантов и майоров
Щелкала, как семечки [Кулагина, 1999, т. 2, с. 77].

Все вышеприведенные фронтовые нюансы взаимоотношений мужчин и женщин нашли отражение в потаенных частушках, отражая их упрощенность, мимолётность, определенную корысть и простое стремление к плотским удовольствиям.

В случае конфликтной ситуации при исполнении заветной частушки (стало известно начальству) можно было сослаться на один нюанс жанровой специфики частушки. Так, существует определенный зазор между социальным статусом исполнителя и той персоной, которой он представляет себя в акте речи. То есть можно отнестись ответственность за высказывание к роли, а не к «эго» [Адоньева, 2004, с. 185]. Хотя в военное время это вряд ли могло бы реально помочь, если в частушках поднимались вопросы военно-политического дискурса.

В ходе коренного перелома в войне и переходе советских войск через государственную границу тональность частушек поменялась: оживилась тематика скорой победы, причем даже тема снизывалась (традиционно в фольклоре!) с темой весны, несущей избавление от фашистского гнета, победы добра над злом.

Зазвучали жизнеутверждающие, озорные частушки:

Скоро, скоро Троица,
Скоро лес покроется,
Скоро Гитлера убьют –
Сердце успокоится [Пушкарев, 1995, с. 77].

Скоро, скоро снег растает,
Ручеечки потекут,
Скоро фрицев всех погонят,
А бойцы домой пойдут! [Там же].

В строках этих частушек звучит окончательная уверенность в скорой победе.

Бытование фронтовых частушек и на территории врага также было связано с тоской по Родине:

На березке есть полоски
И в немецкой стороне,
Только русские березки
Во сто крат дороже мне! [Там же]

Моросят дожди косые
На Штудгарттовском пути.
Лучше матушки России
Во всем свете не найти... [Там же]

Тема победы еще раз показала, как быстро частушка следовала за текущими событиями. Об этом говорит следующий факт: «...9 мая 1945 года, в День Победы, краснореченская молодежь плясала «Подгорную» на главной улице... Девушка, вышедшая на середину круга, пропела:

Поминай девятый май,
Ворота шире растворяй.
Шире ворота растворяй,
С победой дrolечку встречай.

Частушка была подхвачена и пропета хором гуляющих» [Рождественская, 1956, с. 9].

В контексте бытования частушки в дни победы весьма примечателен еще один факт. Вагоны с подлежащими демобилизации бойцами украшались самими солдатами самодельными лозунгами и надписями, сделанными от руки мелом или другим материалом прямо на стенках вагонов, где также могли быть прибиты фанерные или железные листы. Очень многие надписи были сделаны женской рукой, и это были главным образом частушки [Пушкарев, 1995, с. 113]. В них звучали слова гордости, радости и счастья:

Победители домой
С фронта возвращаются.
Сколько сразу ухажеров –
Глазки разбегаются! [Там же].

Наши славные войска
Родину прославили
И в Берлине на рейхстаге
Красный флаг поставили! [Там же].

Зазвучала тема и будущей счастливой жизни:

Для весенних мы цветов
Грядки приготовим,
Города и села
Быстро восстановим [Рождественская, 1956, с. 402].

Нельзя обойти вопрос, как нашла отражение в частушках послевоенная демографическая ситуация в контексте половозрастных показателей, особенно чувствительных для девушек и молодых женщин. С 1941 по 1946 гг. население в СССР фактически сократилось с 195,4 млн до 170,5 млн человек. При этом количество мужчин работоспособного возраста, т. е. репродуктивного, сократилось с 52,3 млн до 41,5 млн человек, а женщин работоспособного возраста увеличилось с 54,1 млн человек до 55,9 млн человек [Малков, 2020, с. 25]. В половозрастной структуре советского общества был явный количественный перевес в сторону женщин. Мужчин просто не хватало на всех девушек и женщин. Народные частушки, сочинённые девушками, сразу же откликнулись на этот демографический перекос:

Задумевшая, дробы,
Дорогая, дробани!
Раньше были ухажеры,
А теперь где они? [Селиванов, 1990, с. 190].

Девочки, война, война,
Девочки, победа!
Девочки, кого любить, –
Остались три деда! [Там же].

Девки по лесу ходили,
Собирали молочай.
Остались у нас ребята,
Хоть баюкай, хоть качай [Там же, с. 195].

Частушки раскрывают главную проблему для создания семьи в послевоенное время – дефицит мужчин репродуктивного возраста. Это озорно обыгрывается в них, указывая в качестве потенциальных женихов дедов и малолетних ребят. Отдельные частушки показывают женские трагедии, когда, не дождавшись женихов с войны, девушки в силу разных причин сходились с великовозрастными мужчинами:

Ты война, ты война,
Скоро уже победа.
А я, дура, не дождала –
Полюбила деда [Там же, с. 188].

Послевоенное сверхизобилие женского пола девушки весьма саркастически обыграли в частушке, в которой чувствуется определенная безысходность:

Девоч много, девочек много,
Девоч некуда девать,
Скоро кони передохнут,
Будем девочек запрягать [Там же, с. 191].

Данная безысходность в плане отсутствия перспективы выхода замуж показана в следующей частушке через прием комического преувеличения в форме гротеска:

Дорогие мои девочки,
Поеду на луну,
Привезу себе лунатика
И вам по одному [Там же, с. 195].

В гротеске преувеличение достигает таких размеров, что увеличенное превращается уже в чудовищное. Оно полностью выходит за грани реальности и переходит в область фантастики [Пропп, 1976, с. 70]. Это и демонстрирует вышеприведенная частушка, но сама суть данного преувеличения всем понятна.

Завершая рассмотрение данной проблемы, хотелось бы отметить, что бойцы на фронте осознавали роль патриотических песен, в частности частушек, создающих эмоциональный накал. Они поднимали их боевой дух и укрепляли ненависть к врагу:

Бьем врага и в хвост и в гриву
Пулеметом, пушкой.
Меж боями в перерыв –
Боевой частушкой [Рождественская, 1956, с. 385].

Эх, частушка, ты частушка,
Слово каждое – снаряд:
Бьет фашистов по макушкам,
Помогает воевать [Там же].

Бойцы, исполняя частушки, подчеркивали, что они сопровождали их как в бою, так и на отдыхе:

Запевай дружной частушки,
Веселее будем жить.
Есть и танки, есть и пушки,
Знаем, чем фашистов бить [Тищенко, 1957, с. 55].

Часто я пою частушки
После боя у костра
Про любимую «катюшу»
И про славные дела [Там же, с. 56].

Заключение

Частушка в силу оперативности поднимаемых тем, «нарушения правил по правилам», задора и легкой запоминаемости в годы Великой Отечественной войны стала любимым жанром музыкально-поэтического фольклора. Советское руководство прекрасно осознавало роль культуры в плане сплочения общества для отпора врагу и поднятия патриотических настроений у людей. Песни, в частности частушки, с их эмоциональным накалом восприятия

как нельзя лучше подходили для этого. В годы войны, особенно в начальный период, заметным культурным явлением были литературные частушки, авторами текстов которых стали профессиональные поэты. Их отличала литературная завершенность и изысканность в отличие от народных частушек. Тем не менее литературные и народные частушки взаимообогащали друг друга всевозможными приемами подачи текста и бытовали параллельно. В тылу авторами частушек выступали, главным образом, девушки, которые поднимали темы проводов на фронт любимого, готовности встать в один строй рядом с ним, делать на местах все для победы, быть верной любимому бойцу и т. п. Девушкам в оккупированных районах и в партизанских отрядах принадлежала пальма первенства при сочинении частушек. Фронтовые частушки, как правило, сочинялись мужчинами-бойцами, и в них показывалась неприглядная изнанка войны. Звучала критика командного состава за определенные промахи; противопоставлялись штабисты и бойцы, сидевшие в окопах; поднимались темы измен жен в тылу, «игры в любовь» командиров с девушками-военнослужащими; демонстрировалась глубокая обида за перегибы при коллективизации и т. д. Эти частушки назывались потаенными или заветными, исполнялись они в узком кругу и в тайне от начальства. В них не было откровенных призывов к свержению советской власти.

Все вышесказанное отражает настроения и ценностные установки работников тыла и бойцов на фронте, показывая противоречия в их сознании. Это делает частушки ценным аксиологическим источником по Великой Отечественной войне.

Список литературы

- Адоньева С.Б. 2004. Прагматика фольклора. Санкт-Петербург, Изд-во С.-Петербургского ун-та; ЗАОТИД «Амфора», 312 с.
- Артемова Ю.А. 2015. Ипостаси смеха. Ритуал, традиция и юмор. Москва, Смысл, 240 с.
- Будницкий О. 2011. Мужчины и женщины в Красной армии (1941–1945). *Cahiers du Monde RUSSE*. 52/2–3: 405–422.
- Великая Отечественная война. 2020. Юбилейный статистический сборник. Под ред. П.В. Малкова. Москва, РОССТАТ, 299 с.
- Власова З.И. 1964. Частушки. Русский фольклор Великой Отечественной войны. Отв. ред. В.Е. Гусев. Москва – Ленинград, Наука: 149–193.
- Гулевич О.А. 2011. Социальная психология справедливости. Москва, Институт психологии РАН, 281 с.
- Гура А.В. 1997. Символика животных в славянской народной традиции. Москва, Индрик, 912 с.
- Деревенские частушки XX века. 2006. Сост. и автор вступ. ст. С.Б. Адоньева. Санкт-Петербург, Изд-во СПбГУ, 531 с.
- Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова. 1999. Политические частушки. В 2 т. Сост. А.В. Кулагина. Москва, Ладомир, 500 с. («Русская потаенная литература»).
- Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици. 2018. Под ред. И. Хюртера; пер. с немецкого, предисловие к русск. изд. О.И. Бэйди, И.Р. Петрова. Санкт-Петербург, Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге, 328 с.
- Земсков В.Н. 2014. Сталин и народ. Почему не было восстания. Москва, Алгоритм, 240 с.
- Ильин Е.П. 2017. Психология общения и межличностных отношений. Санкт-Петербург, Питер, 592 с.
- Кулагина А.В. 1999. Сатирические частушки-хроники. Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова. В 2 т. Т. 2. Политические частушки. Сост. А.В. Кулагина. Москва, Ладомир: 5–14. («Русская потаенная литература»).
- Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. 2021. Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике. Москва, РГГУ, 285 с. (Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика).
- Мы все войны шальные дети... Дневники периода Великой Отечественной войны 1941–1945. 2010. Под. ред. В.Н. Данилова и др. Саратов: Госуд. архив Саратовской области, 293 с.
- Олсон Л., Адоньева С. 2021. Традиция, трансгрессия, компромисс: миры русской деревенской жизни. Москва, Новое литературное обозрение, 520 с.
- Письмо анонимного автора И.В. Сталину [6 мая 1943 года]. Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. 2003. Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. Москва, РОССПЭН: 109–110.
- Пропп В.Я. 1976. Проблемы комизма и смеха. Москва, Искусство, 183 с.

- Пушкарев Л.Н. 1995. По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. Москва, ИРИ РАН.
URL: https://archive.org/details/po_dorogam_voynu
- Русские частушки. 1956. Сост. Н.И. Рождественская, С.С. Жилина. Москва, Художеств. Литература, 496 с.
- Селиванов Ф.М. 1990. Народная лирическая поэзия последнего столетия. Частушки. Сост., подготовка текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. Москва, Сов. Россия: 5–28 (Б-ка русского фольклора. Т. 9)
- Тонков В.А. 1951. Народное творчество в годы Великой Отечественной войны. Воронеж: Воронежское обл. книгоиздательство, 58 с.
- Частушки. 1957. Сост. и предисл. А. Тищенко. Москва, Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 160 с.
- Частушки. 1990. Сост., вст. стат., подготовка текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. Москва, Сов. Россия, 656 с. (Б-ка русского фольклора; Т. 9).
- Шаповалова С.П., Истомина И.В. 2024. Советская женщина и Великая Отечественная война в контексте народных частушек. *Via in tempore. История. Политология*. Т. 51. 1: 192–203.

References

- Adon'eva S.B. 2004. Pragmatika fol'klora [Pragmatics of Folklore]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta; ZAOTID «Amfora», 312 p.
- Artemova Yu.A. 2015. Ipostasi smekha. Ritual, traditsiya i yumor [Hypostases of Laughter. Ritual, Tradition and Humor]. Moscow, Smysl, 240 p.
- Budnitskiy O. 2011. Muzhchiny i zhenshchiny v Krasnoy armii (1941–1945) [Men and Women in the Red Army (1941–1945)]. *Cahiers du Monde RUSSE*. 52/ 2–3: 405–422.
- Velikaya Otechestvennaya voyna [The Great Patriotic War]. 2020. Yubileyny statisticheskiy sbornik [Anniversary Statistical Digest]. Pod red. P.V. Malkova. Moscow, ROSSTAT, 299 p.
- Vlasova Z.I. 1964. Chastushki. Russkiy fol'klor Velikoy Otechestvennoy voyny [Chastooshkas. Russian Folklore of the Great Patriotic War]. Otv. red. V.E. Gusev. Moscow – Leningrad, Nauka: 149–193.
- Gulevich O.A. 2011. Sotsial'naya psikhologiya spravedlivosti [Social Psychology of Justice]. Moscow, Institut psikhologii RAN, 281 p.
- Gura A.V. 1997. Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii [Animal Symbolism in Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik, 912 p.
- Derevenskie chastushki XX veka [Village Ditties of the 20th Century]. 2006. Sost. i avtor vstup. st. S.B. Adon'eva. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 531 p.
- Zavetnye chastushki iz sobraniya A.D. Volkova [Cherished Ditties from the Collection of A.D. Volkov]. 1999. Politicheskie chastushki [Political Ditties]. V 2 t. Sost. A.V. Kulagina. Moscow, Lodomir, 500 p. («Russkaya potaennaya literatura»).
- Zametki o voyne na unichtozhenie. Vostochnyy front 1941–1942 gg. v zapisyakh generala Kheynritsi [Notes on the War of Extermination. The Eastern Front 1941–1942 in the Notes of General Heinrici]. 2018. Pod red. I. Khyurtera; per. s nemetskogo, predislovie k russk. izd. O.I. Beydi, I.R. Petrova. Saint Petersburg, Izd-vo Evropeyskogo universiteta v S.-Peterburge, 328 p.
- Zemskov V.N. 2014. Stalin i narod. Pochemu ne bylo vosstaniya [Stalin and the People. Why There Was No Uprising]. Moscow, Algoritm, 240 p.
- Il'in E.P. 2017. Psikhologiya obshcheniya i mezhlchnostnykh otnosheniy [Psychology of Communication and Interpersonal Relations]. Saint Petersburg, Piter, 592 p.
- Kulagina A.V. 1999. Satiricheskie chastushki-khroniki. Zavetnye chastushki iz sobraniya A.D. Volkova [Satirical Chronicle Ditties. Cherished Ditties from the Collection of A.D. Volkov]. V 2 t. T. 2. Politicheskie chastushki [Political Ditties]. Sost. A.V. Kulagina. Moscow, Lodomir: 5–14. («Russkaya potaennaya literatura»).
- Meletinskiy E.M., Neklyudov S.Yu., Novik E.S. 2021. Istoricheskaya poetika fol'klora: ot arkhaiki k klassike [Historical Poetics of Folklore: From Archaic to Classic]. Moscow, RGGU, 285 p. (Traditsiya – tekst – fol'klor: tipologiya i semiotika).
- My vse voyny shal'nye deti... Dnevniky perioda Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 [We are All Crazy Children of War... Diaries from the Period of the Great Patriotic War of 1941–1945]. 2010. Pod. red. V.N. Danilova i dr. Saratov: Gosud. arkhiv Saratovskoy oblasti, 293 p.
- Olson L., Adon'eva S. 2021. Traditsiya, transgressiya, kompromiss: miry russkoy derevenskoy zhizni [Tradition, Transgression, Compromise: The Worlds of Russian Village Life]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 520 p.

- Pis'mo anonimnogo avtora I.V. Stalinu [6 maya 1943 goda]. Sovetskaya povsednevnost' i massovoe soznanie. 1939–1945 [Letter from an Anonymous Author to I.V. Stalin [May 6, 1943]. Everyday Life in the Soviet Union and Mass Consciousness. 1939–1945]. 2003. Sost. A.Ya. Livshin, I.B. Orlov. Moscow, ROSSPEN: 109–110.
- Propp V.Ya. 1976. Problemy komizma i smekha [Problems of Comedy and Laughter]. Moscow, Iskusstvo, 183 p.
- Pushkarev L.N. 1995. Po dorogam voyny. Vospominaniya fol'klorista-frontovika [Along the Roads of War. Memories of a Front-Line Folklorist]. Moscow, IRI RAN. URL: https://archive.org/details/po_dorogam_voyny.
- Russkie chastushki [Russian Ditties]. 1956. Sost. N.I. Rozhdestvenskaya, S.S. Zhilina. Moscow, Khudozhestv. Literatura, 496 p.
- Selivanov F.M. 1990. Narodnaya liricheskaya poeziya poslednego stoletiya. Chastushki [Folk Lyric Poetry of the Last Century. Ditties]. Sost., podgotovka tekстов i komment. F.M. Selivanova. Moscow, Sov. Rossiya: 5–28 (B-ka russkogo fol'klora. T. 9).
- Tonkov V.A. 1951. Narodnoe tvorchestvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Folk Art during the Great Patriotic War]. Voronezh: Voronezhskoe obl. knigoizdatel'stvo, 58 p.
- Chastushki [Chastooshkas]. 1957. Sost. i predisl. A. Tishchenko. Moscow, Voennoe izd-vo Ministerstva oborony Soyuza SSR, 160 p.
- Chastushki [Chastooshkas]. 1990. Sost., vst. stat., podgotovka tekстов i koment. F.M. Selivanova. Moscow, Sov. Rossiya, 656 s. (B-ka russkogo fol'klora; T. 9).
- Shapovalova S.P., Istomina I.V. 2024. Sovetskaya zhenshchina i Velikaya Otechestvennaya voyna v kontekste narodnykh chastushek [Soviet Woman and the Great Patriotic War in the Context of Folk Ditties]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*. T. 51. 1: 192–203.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 06.05.2025

Поступила после рецензирования 02.06.2025

Принята к публикации 04.06.2025

Received 06.05.2025

Revised 02.06.2025

Accepted 04.06.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шаповалов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

[ORCID: 0000-0003-1699-1956](https://orcid.org/0000-0003-1699-1956)

Шаповалова Светлана Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

[ORCID: 0000-0002-9305-8564](https://orcid.org/0000-0002-9305-8564)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Sciences in History, Professor, Professor of the Department of Russian History and Document Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Svetlana P. Shapovalova, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Russian History and Document Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia